

Первитин

**Крутолапов
Дмитрий**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дмитрий Витальевич Крутолапов Первитин

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54165870

SelfPub; 2020

Аннотация

Наш герой – авантюрист, который не производит различия между своим внутренним миром и внешним. Будучи коллаборационистом, добровольно загнав себя на войну, он пытается изучать свои действия и действия других людей: всё происходящее вокруг ему представляется как циничный эксперимент над собой и над другими людьми, на который он однажды дал своё согласие. Моральный выбор здесь соседствует с глупостью, цинизм – с экспрессией, а правда со стремительностью наступления событий. Содержит нецензурную брань.

Этот текст ничего не пропагандирует и не должен.

Вокруг меня целый табун лошадей преимущественно тёмного окраса. В висках пульсирует кровь! Черепную коробку будто распирает во всех направлениях! Шмыгаю носом. Вдруг слышу команду «по коням!» – и тут же множество пехотинцев в тёмно-серой форме и штальхельмах, загруженное оружием до упора, забирается на своих коней. Я игнорирую приказ, ведь у меня кобыла! Я лично подсматривал, что там у неё могло быть между ног! Всадники куда-то мчатся, вокруг всё в клубах пыли! Сквозь пыль ко мне идёт... это мой командир? Я его не узнаю, лицо явно недовольное! Что?! От греха подальше я мигом вскакиваю на свою лошадь. И бегу. Точнее, бью свою кобылу по бокам что есть сил. Довольно незамысловатый способ управления лошадью, особенно когда тебе без разницы куда.

Я обнаруживаю себя на лошади. Фаустпатрон бьёт меня по бедрам! Вокруг огонь и пыль! Крики! Моя кобыла несётся так, как никогда раньше не неслась! Я теряю управление? Нет, я держусь вполне уверенно и ногами, и руками. Пожалуй, мои ноги слишком тесно закручены в стремя. Или это стремя закручено вокруг моих ног? Неважно! Мои мысли сейчас как рой насекомых, я не могу угнаться ни за одной

из них. Всё что я вижу – это нашивку с двумя скрещенными гранатами. Мне так перекутило шею? Что происходит?

Противогаз защищает от дыма и лёгких осколков, которые летят со всех сторон. Может не стоит больше так бить свою лошадь? Или она сейчас движется сама по себе? И несёт меня! Не этого ли я хотел? Какое неудобство – испытывать насморк в противогазе! На ум приходят метафоры, неуместные в данной ситуации, да и в любой другой ситуации тоже. Что-то горит! Дым! Моя лошадь ржёт! Как бы самому не заржать! Меня уже распирает! Я больше не могу! Хватаюсь за шашку и рублю всех, кто попадётся под руку (под шашку?), задыхаясь, захлёбываясь от смеха! Вижу брызги крови, пора бы снять эту ерунду, которую, зачем-то нацепил на себя.

О мой хуй! Я даже не могу снять её! Её? Его? Что?! Маска болтается как второе лицо, заслоняя половину обзора. Она плотная! Моя задница потная! Летят искры! Только сейчас понимаю, что вокруг одни выстрелы. Одни выстрелы! В ушах уже даже не звенит. Звонкие хлопки превратились в одну сплошную плотную стену из звука, кажется, после боя я без особого труда смогу вытащить свои ушные раковины-перепонки из ушей, показать товарищам и повесить их сушиться от крови.

Стою на пороге какой-то восточноевропейской хаты. Стучу в дверь. Мне не открывают. Стучу, стучу ещё раз. Не оставлю свой стук! Вдруг дверь открывается. Я вижу лицо довольно молодой девушки славянской внешности. Мгновенно пробиваю ей кулаком в лицо из всех сил, что у меня есть.

Я нахожу себя в постели с женщиной, в белой постели, которая выглядит и ощущается свежей. Это не женщина, это девушка! У неё под носом течёт кровь. Она поворачивается на спину и одной рукой обнимает мою шею. Как это мило! Она целует меня в губы. Я чувствую привкус крови на моих губах.

– Как давно я здесь?

– Пять минут, мы только легли! Ты пришёл сюда пять минут назад.

Не встаёт! Как я вообще здесь оказался так быстро? Я начинаю собираться, быстро натягиваю на себя обмундирование. «Ты куда? Зачем? Постой! Я могу тебе помочь! Ну, зачем же! Не уходи!». У меня все равно сейчас не встанет. Будто бы я под чем-то! Да! Точно!

– И как ты мне поможешь?

– А как ты хочешь? Подойди! Для тебя я всё смогу! Как тебе нравится?

Боюсь, она мне ничем не поможет.

– У тебя есть молоко?

– Зачем тебе молоко? Ах да, погоди, сейчас налью!

Она встаёт и, не одеваясь, идёт в соседнюю комнату. Я решаю посмотреть, что она будет делать. Она несёт кувшин! Наливает в стакан молоко. В горле моём пустыня. Жарко, сухо и скрипит песок. Я осушаю стакан залпом – мне становится немного легче. Всё тело горит, прохладная жидкость сейчас как-никак кстати.

– Слушай, у меня есть кое-что поинтересней. Ты солдат, тебе такое точно пригодится!

Она открывает прозрачную дверцу шкафа, достаёт с полки коробку, которую я не сразу заметил. Достаёт коробку, на ней орёл и свастика, открывает её. Вижу множество запечатанных колб. О! Это большое сокровище! До моего отряда оно ещё не дошло! Я должен забрать эту коробку с собой! Вроде бы она не возражает! Мои юниты, пешки – им это поможет! Я долго разглядываю коробку, верчу её в руках, верчу колбы. Она протягивает мне запечатанную плитку шоколада. Вижу, у неё есть ещё. И ещё. И ещё. Я больше не буду считать колбы, я теряю счёт уже на третьей или четвёртой и после третьей (или четвёртой?) попытки бросаю это безнадежное дело. Ах да, шоколад!

– Это танковый шоколад, разве ты не знал?

– Откуда он у тебя?

– Мне принесли с разбившихся вагонов ваших войск.

Она меня за идиота держит? Есть версия, что с помощью этих маленьких колбочек немецкая армия так быстро сожрала Европу. Немецкая армия – армия торчков и наркоманов, возглавляемая, такими же поехавшими, а то и более плотно сидящими, чем рядовые, наркоманами. У начальства всегда больше ресурсов, они могут позволить себе сидеть постоянно и не отвлекаться на трезвое естественное состояние. Есть слух, что весь здоровый образ жизни Гитлера – показуха! Он сам сидит, на первитине плотнее, чем самый упоротый лётчик люфтваффе! А уж им-то только и рады забить все ноздри до упора, по самую глотку-носоглотку всякой крошащейся, похожей на муку или крахмал дрянью – лишь бы летали чаще, выше, сильнее! Мне же в руки такая дрянь попадает впервые. Я знал о ней совершенно понаслышке. Я не одобрял подобное, но находил в этом интересный инструмент и крайне интересное явление.

Нацисты, ага, значит, используют такую вещь, не стесняются совершенно. Она повышает эффективность... но что потом? Она помогает генералам что-то там получше соображать в своих штабах ...но что потом (А во время-то что, ты задавал себе этот вопрос, идиот?)? Я представляю как эти люди глубоко за пятьдесят, глубоко дурные от веществ, пытаются подумать и придумать за всю трезвую вооружённую до зубов молодёжь, куда ей шагать, воевать в какую сторону, наконец. Их жизненный и боевой опыт заменяет им хладнокровный расчёт, отравление мозга химической реакцией за-

меняет им волю. До меня, наконец-то, доходит. Мой отряд Дирлевангер, призванный быть бешеной собакой, возможно, сам находится под руководством, под глобальным управлением таких же бешеных, буквально бешеных буквально псин! С пеной у рта! У которых пена идёт изо рта! Я роняю слюну! Я слишком увлёкся своим внутренним диалогом, своими мыслями! Прямо сейчас слюна стекает по моему подбородку. Как-то неловко вышло, эх!

– Я думала, ты оценишь! Правда, замечательно? Теперь это всё твоё! Смотри, вот это шоколадка!

Честно говоря, я не думал использовать этот «клад» самому. Кажется, я сейчас оказался глубоко в тылу врага? Я лучше передам эту находку своим подопечным, своим соратникам. Так, надо выбираться отсюда! Эта ерунда полностью сварит им мозги и это хорошо! Но я забыл дорогу! Я даже не помню, как я здесь вообще оказался! Но и также поможет им в битве, они будут более бесстрашны, более активны, будут больше калечить врага и калечиться сами! Придётся искать дорогу! Искать новые ориентиры.

Стоп, остановись моя бешеная мысль! Раздробленный шоколад плавает в моём стакане молока, так заботливо налитый этой милой девушкой с разбитым носом (Как же её всё-таки зовут? Не важно). Я дроблю этот кусок шоколада в стакане чайной ложкой и перемешиваю то, что получилось, в надежде сделать какао-напиток. Ох, она так мило улыбается! Её глазки постоянно бегают по мне. Мой взгляд непо-

движен, я смотрю ей прямо в глаз с кровоподтёком! Кажется, её это умиляет! Ох уж эта деревенская романтика! Я бы мог прописать ей ещё! Так случаем, не заведено в восточной Европе? Я, кажется, слишком быстро адаптировался к местным реалиям.

Запиваю получившейся смесью три таблетки из только что приобретённого мною боевого набора.

Она хлопает в ладоши совсем как ребёнок! Может она и есть ребёнок?

– Я знала! Ты оценишь!

На мне лицо совершенно тупого барана, жующего чёрствое овсянное печенье за щекой. Она резко обнимает меня. Несколько крошек попадает ей прямо в волосы. Она пытается почесаться, чешет макушку – место, куда упали крошки, поднимает голову и улыбается мне, слегка, едва слышно хихикнув. Я чувствую себя отвратительно. В желудке полная бурда, которая ещё и разыгралась! Интересно, она осознает весь абсурд сложившейся ситуации? В каких только грязных наивных дырках не были мои грязные наивные пальцы! Коллекция постоянно пополняется. Следите за обновлениями!

Она снова поднимает голову с моей груди и говорит тёплым полушёпотом, слегка придыхая: «Ты мне нравишься!». И снова припадает к моей груди.

Партизаны! Она сотрудничает с партизанами! Они могут прийти сюда в любой момент! Или они уже здесь! Стоят за мной! Или в этом шкафу! Я поймал себя на следующей мыс-

ли: на сколько осколков я должен раздробить ей череп, чтобы я, наконец, смог посчитать её убитой? Откуда у неё может быть столько дерьма? Да, это партизаны! Это точно партизаны! Я бы не подумал, что эта милая, хрупкая девушка может сама пустить поезд с нацистскими вещами под откос или стырить у нацистов такие вещи! Или хотя бы найти среди разбросанных вокруг поезда брошенных, не оценённых по достоинству партизанами, вещей. Последний вариант вполне вероятен, но мне он, почему-то, кажется наименее правдоподобным! Зачем ей первитин? Чтобы соблазнить забредшего к ней немца? Она, действительно, об этом рассуждала? Она действительно об этом думала? Это был её настоящий план? Так вот в чём дело!

– Ты мне нравишься! Ты такой милый!

Нет, ну это уже совсем свинство! Далее следует ещё один резкий удар моего кулака. Она падает, приземляясь на затылок. По полу из её прекрасной головы льётся кровь. Не сильно – жить будет, но льётся. Она сгибает правую руку в локте, пытаясь ею дотянуться до виска. Левой у неё это получается успешнее. Она лежит на полу с едва выразимой гримасой, не выражающей ничего кроме боли.

Может, зря я её так?

Ты когда-нибудь заткнёшься, мой драгоценный внутренний голос? Твоя паршивая пасть вся в пене! Твой ментальный собачий лай всё никак уймётся! Не утихнет! Я чувствую, как по мне разливается непонятная энергия... Кажется, по-

следний раз я это чувствовал перед тем вскочить на лошадь, точно после того как надел противогаз! Что это было? Почему я не помню ничего до того момента в этот день? И в этот ли день вообще? Я имею ввиду, был тот самый день – сегодня? Не знаю, как объяснить самому себе то, что на самом деле имею в виду. Ах да. Не время извиняться за случайные небоевые потери, когда сам заплутал, когда ты сам – заброшенная небоевая потеря. Классно, оправдания всегда были моей самой сильной стороной. В этом отношении, я стою на ногах крепко! Я уверенный в себе человек, даже слишком! Я самоуверен и самонадеян. Я – парад самых разнообразных самостей и коллекционер самых разнообразных самок! («Я», «я», «я» – улавливаете?) Они, в свою очередь, тоже оказывались коллекционерами! Я всегда был в подходящей мне компании! Иногда, кстати, компания была на вырост, но я не жаловался. Мне в пору сейчас рассмеяться! Но, почему-то, стыдно перед самим собой, поэтому я перешагиваю через всё, что лежит на полу, включая тело, едва сдерживая смех, хотя никто не видит – лицо всё горит от стыда, я едва сдерживаю истерику, а то, вдруг, засмеюсь и ненароком порву себе всё лицо.

Я выбегаю на крыльцо, захватив с собой все, что мне было интересно. Чёрт, надо было у неё узнать, где ближайший город! Тем временем, в штанах у меня, наконец, наступило пробуждение.

С выпученными глазами, буквально натянутыми на лицо, которое буквально натянуто на буквально выпученный череп, я кричу на польском те единственные слова, которые на нём знаю: «Ты... ШЛЮХА?!». Казалось, что целый квартал, если не весь город сейчас, только что меня очень-очень хорошо расслышал и понял, особенно последнее слово. Городок кишел советскими солдатами. Проститутка накинула на меня свою шаль и стала быстрыми-быстрыми движениями меня подталкивать внутрь здания, буквально заталкивая в дверь: «Тише! Давай! Идём, идём!». Она старалась как можно сильнее смягчить свой голос, но её нервозность была мне очевидна. С собой я ничего не мог (или не хотел) в тот момент поделать. Из меня разве что пена не текла: изо рта, из глаз, из носа, уретры – из чего угодно! Моя кожа горела так, что, казалось, от неё идёт пар... или дым. Я как сумашедший уголёк нырнул в здание, а затем по тёмному сырому и заплесневелому коридору – в комнату проститутки. Комната была пуста.

Я чувствовал себя так, будто моё тело вот-вот выползет наружу, разорвав кожу в каждой её точке одновременно и убежит-разбежится сразу во все стороны: полетит-поползёт от стыда – лишь бы со мной больше не встречаться взглядом, мыслями, не быть мной. Мысли заворачивались в крендель, в бретцель! Посыпанный с избытком солью тревоги! Нет, это

не метафоры! Я был уверен, что меня сожрут, таким сладким представлялся я сам себе в тот момент! Солёненьким-то уж был точно! Я захлёбывался от пены, мои глаза захлёбывались от слёз и буквально рвались вон как из глазниц, так и по швам мельчайших кровеносных сосудов! Руки уже были вывернуты наизнанку и закручены по-садистски, как окружающая окопы колючая проволока. Мне некуда... Больше! Что?!

Она с меня стягивает шлем, я это замечаю только краешком своего ума, который в этот момент тонет сам в себе и в чём-то ещё, что мне представляется невероятно-невероятно страшным, будто я сидел на коленках дьявола, который вот-вот засунет мне обмотанный колючей проволокой кирпич в жопу. Мои глаза стреляли по сторонам похлеще любого окончательно сошедшего с ума пулемёта. Мне казалось, будто мой взгляд материален, что куда бы я ни посмотрел, мой глаз трогает всей своей поверхностью то, куда бы он вдруг ни оказался направлен. Каждый поворот глазного яблока сопровождался чувством, будто по глазу проводят не то наждачкой, не то садистской очень мелкой тёркой, которую создали скорее для изошрённых пыток, нежели для приготовления овощей. Я едва видел, но мои глаза были широко распахнуты, а я ощущал, будто они наполнены распирающим светом до предела.

Если Спаситель ко мне не придёт... Если Спаситель ко мне не придёт! Сейчас я был в шаге от веры, я был в шаге

от самой настоящей Веры (да, именно так, с большой буквы), я был в шаге от предательства всех своих собственных родных предрассудков насчёт религии и христианской веры в частности. Сказать, что мне было больно – означало серьёзно преуменьшить всю глубину проблемы, серьёзно преуменьшить весь масштаб того, что я на самом деле в тот момент чувствовал. Сказать, что мне было больно – было бы очень жестокой и бесчеловечной насмешкой.

С меня снята большая часть одежды. Я понимаю, что моё внимание переключилось. Эта женщина меня протирала холодными мокрыми тряпками. Мой лоб, мою шею, мою грудь. Нет, я не хочу называть её женщиной! Это прекрасная девушка! Да, слегка старше тридцати, испещрённая долинами стресса на своём лоснящемся лице, старая, стрёмная, скорее всего скучная и руки у неё костлявые (пальцы, кстати, вообще как у старухи) – но я хочу называть её девушкой! Я хочу делать ей комплименты! Это Дева Мария! Богородица! Так вот, эта польская шлюха продолжала протирать меня, иногда давая мне попить воды из чайной чашки. Мои чувства отступали вверх и вниз, чтобы потолкаться на тонком мостике настоящего момента с другими неистово рвущимися непонятно куда ощущениями.

Я чувствовал, как потоки крови несутся по моему телу, словно поезда, гружённые танками и тяжёлым вооружением, но намного-намного быстрее и с гораздо большим грохотом, настолько тяжёлым, что я чувствовал как мои сосуды – вены

и артерии – совсем скоро разворвутся, словно шёлковые колготки набитые кирпичами, заполнив всё окружающее меня пространство кровью. В ушах страшный свист, звон, треск – все звуки одновременно, да с такой силой, будто в каждое ухо орёт по целой красной армии разом.

Я хотел, чтобы кто-нибудь меня сейчас же пристрелил или зарезал, но боялся, что пуля будет лететь до меня невыносимо долго, даже если будет выстрелена в упор. Нож!? Я продумывал, одновременно и такую мысль, точнее, она выстрелила и улетела за горизонт, став отвратной, словно осуществивший своё предназначение мгновение назад завязанный контрацептив. Что за мысль? Ах да, аккуратно подберём снова это вонючее изделие. Если меня будут резать, то в лучшем случае того кто будет резать, просто разрежет или прострелит насквозь струя, хлещущей и кипящей как вулканическая лава, крови, а я умру относительно быстро. В худшем случае, я буду ещё десятку сотню тысяч миллионов миллиардов лет созерцать, как в меня погружается нож, в итоге умерев, скорее от распирающего во все стороны нетерпения, а может быть смеха или даже стыда перед самим собой.

Не успел я жиденько обосраться, как эта прекрасная добрая женщина (девушка же!) со мной заговорила, практически мгновенно отключив всю эту мировую войну чувств:

– Я тебе помогу как смогу, но пойми, город кишит советскими солдатами. Тебе здесь будет совсем небезопасно!

– Насчёт красной армии – знаю.

И откуда ты это знаешь, кретин? Ты помнишь лишь как вскочил на крыльцо к этой проститутке и громко заорал, надеюсь, не на саму проститутку. Переферийное зрение! Ага! Я всё-таки заметил и косые взгляды, и обилие цвета хаки в униформе и окружающих. Остаётся лишь догадываться, почему тебе вообще дали добраться живым до чьей-либо двери. Да, именно дали! Сейчас ты жив не по своей воле! Скорее по чьей-то глупости или из интереса тебе дали пройти такой путь!

– Дама, я принёс вам шоколад! Я вас люблю!

– Эх, знаю я, что это за шоколад! На лице всё написано и по походке можно было догадаться. Глаза вообще ни с чем не спутаешь!

Она целует меня в губы. Увы, без языка! Я отчётливо ощутил, что мои глаза не могут найти себе места в этой комнате, они блуждают повсюду! Неужели ей известен первитин? Неужели ей известно что это? Кстати, мы говорим по-немецки. Она разговаривает совершенно без акцента. Куда я попал? Я знал, что помочь мне может только проститутка, как правило, они дружат с медициной и поэтому по медицинским вопросам можно спокойно обращаться к ним. Да и кто будет среди бела дня кричать на всю улицу «я ищу врача?» – это как-то стыдно, бросается в глаза, да и все начинают понимать, что ты уязвим, а ведь никто не хочет выглядеть и тем более быть уязвимым. Вот орать «где здесь шлюха?» на улице гораздо более естественно и сподручно, врачи по улицам

не ходят, они сидят по кабинетам. Проститутки на улицах, можно сказать, работают. Тем более, я часто видел, как люди на улицах обращаются к шлюхам, зовут их (пускай это и их родные сёстры), а чтобы к врачам обращались на улице – ни разу не видел, поэтому поступил как нормальный здравомыслящий человек, бегая по улице в нацистской форме и крича всем окружающим «где здесь шлюха? кого здесь трахнуть?».

– А ты из какого региона?

– Из иль де Франс.

– Так ты не немец? А так говоришь хорошо, как будто это твой родной язык.

– Ну, мы дружили с немцами во дворе. Одному даже глаз выбили, а другому – руку сломали.

– И как это доказывает вашу дружбу?

– Вам, немцам, не понять.

Повисла неловкая пауза. Стоило ли шутить на тему франко-германских отношений в такую минуту? Стоило. Если какая-то шутка способна заставить принять её решение, которое приведёт её к могиле – это не мои проблемы. Стоп! Моя жизнь зависит от неё! Я попытался уничтожить неловкую паузу как мог:

– Блядь, а ты здесь из какого села?

– Приехала сюда работать... неважно. Я просто здесь оказалась. И всё. Не было у меня знакомых и друзей. Большевики пришли и отобрали всё. Просто потому что я говорю по-

немецки, потому что я немка... Это было так легко им сделать!

Её комната была абсолютно пустой. Только матрас и всё. И полупрозрачные занавески на окнах. Она так и не ответила на вопрос, откуда она. Но у меня уже появились первые догадки.

– И как ты здесь выживаешь?

Её голос стал дрожать, дыхание стало ещё более нервным. Сейчас я слышу то, чтобы было и так мне очевидно. Но мой мужской менталитет не верит разнообразным намёкам, антуражу и косвенным признакам: он любит знать вещи точно, он верит и любит лишь то, что проговаривается вслух. Поэтому, я всегда ценил женщин, умеющих честно говорить и признавать то, что, казалось бы, может признавать и высказывать им и самим неприятно. Я всегда ценил честность.

– Я... я сплю с ними. С красными. Они заставляют меня... Иначе меня убьют. А куда идти – я не знаю.

Я не понимаю, что ей не нравится. Большевики пришли, оставили ее в живых, да, отняли, но только самое лишнее, можно сказать, ненужное и даже дали ей работу. Сосать член? Да кто бы сейчас от такого отказался? На хлеб хватает, а сколько на нём самых разнообразных приправ может оказаться! Сложные времена требуют сложных решений, порой не совсем очевидных.

У меня в голове был план. Мы все равно были здесь и сейчас окружены. С моим появлением в округе и в её комнате в

частности, её несчастливые шансы на смерть резко возрасли. И все это видели.

Кажется, я стал приходить в себя. Даже не столько из-за символической помощи местной немки или даже её компании, сколько из-за обретения смысла. Всё вокруг вдруг стало плотным, материальным, перестало быть прозрачным, мягким и идеальным словно схема. Близость смерти сама по себе способствует резкому росту показаний термометра смысла, но сейчас смысл стал более отчётлив. Не я один нахожусь под угрозой смерти. Если я бегаю и произвожу шум на этом свете и на войне, в частности, не вкладывая никакого смысла в свои действия – просто как экспериментатор, для которого фатальный проигрыш окажется лишь неудавшимся экспериментом – то для этой девушки имеет смысл покинуть эти ужасные условия. Если она избежит смерти, то, скорее всего, любая жизнь, с которой она столкнётся потом, будет лучше. Это вселяет надежду в меня, почему-то. Вот такой я странный парень.

Она не похожа на глупого человека, она рассуждает здраво. Она говорит не как полная идиотка, а ведь речь уже говорит очень многое о человеке. А ещё, умные люди встречаются в довольно необычных ситуациях – это одна из них. Но с ними надо держать ухо востро и следить за их действиями. Ты можешь очень долго знать умного и просвещённого человека, а потом в один день узнать, что он умер от какого-то страшного ЗППП как полный дебил, для ума которого

простые правила вдруг оказались невероятно неподъёмными. Отчасти, я и сам из подобной породы «умных» людей.

– У меня гонорей. Это вместо кинжала для коммунистов. Для меня это хоть какое-то утешение. Так что спать мы с тобой не будем.

– Да я и не хотел. Кстати, у меня сифилис.

Что ты несёшь, тупой обоссанный пёс?! Может быть, это была попытка сделать ей легче, заявив, что у тебя с ней на одну общую проблему больше, когда у тебя этой проблемы нет? Ведь ничто не сближает людей больше чем общая беда (особенно, если она выдуманная), не правда ли? Как будто тебе мало, что вы вдвоём находитесь в целом городе, окружённые врагами, тебе надо ещё что-нибудь красочно спиздануть, сорвав аплодисменты у любителей предельно тупых шуток. Или это была демонстрация породы, указанной выше? Ну что же, тебе это удалось. Ну а если это был такой хитрый способ залезть ей в штаны (под юбку, кретин), то можешь смело умножить показатель своей тупости на два, ведь ты же и, правда, не знаешь что это за болезнь? А если не знаешь, то и не болезнь? Так всё, идиотом быть на этом свете предельно опасно, хоть и весело, вот эту истину ты знаешь до самого её предела. Да и тебе лучше закрыть этот бордель стрёмных дурнопахнущих мыслей, а то разбредутся, куда ни попадя и заразят нормальных людей.

– Это была тупая шутка.

– Очень тупая.

– А теперь у меня есть идея, довольно дурная и опасная, как нас спасти.

Из окна видно, что наш дом окружён, но окружён он довольно неумело. В такой ситуации не остаётся ничего, кроме как рисковать. Мне нужно что-то, что хорошо горит!

– Мне нужно всё, что хорошо горит! Тащи сюда!

– Ты будешь что-то поджигать?

– Я буду поджигать дом!

По её глазам можно было прочесть шок. Неужели она хочет оставаться в таком положении и дальше?

– Ты понимаешь, что они тебя убьют, независимо от того, смогу ли я прорваться через них или нет? Ты будешь мертва в любом случае.

Я произносил свою речь максимально хладнокровно, мне не нужны были эмоции в том деле, которое касалось моей жизни. Она предпочитает смерть? Хорошо, это её личный выбор, хотя уважать его я совершенно не обязан. Она погибнет в любом случае, но с моей помощью – у неё будут хоть какие-то шансы, маленькие, но всё-таки шансы.

Начинаю поджигать её матрас, благо я под завязку набит всякой вспомогательной ерундой типа спичек и зажигалок. Матрас загорается без особых усилий. Комната стала заполняться дымом. Она в истерике! Она меня бесцеремонно тол-

кает!

– Ты что делаешь?!

На её глазах слёзы. Я стараюсь не обращать на неё внимания, хотя мне становится больно её видеть, больно видеть её безвыходное положение. Я поджигаю занавески! Ничего не видно! Всюду дым, кашель! Я беру её за руку. Она отталкивает меня! Я хватаю её за руку. Требую, чтобы она вела меня к двери сквозь дым.

– Веди меня туда, откуда я пришёл! Где выход?! Веди, иначе вся обойма будет у тебя в животе!

Она выталкивает меня в коридор, в котором всё очевидно. Не так уж мне и нужна была её помощь. Совершенно лишняя и глупая сцена! Дым начинает просачиваться сквозь отверстия! В этом доме ещё были жильцы! Они учуяли дым! Они сбегаются в этот маленький коридорчик, они ничего не понимают! Наконец, они видят меня:

– Все, быстро спустились сюда!

У меня два пистолета – в каждой руке по стволу. Пусть только дёрнутся обратно, их лица пронзит горячий металл, их затылки треснут от свинца! Мне плевать на гуманизм, когда ситуация ставит мою жизнь под вопрос. Я не ценю свою жизнь меньше, чем они ценят свою – пускай идут сюда!

– Здесь пожар! Вам лучше спуститься сюда! В противном случае, вы будете мертвы, от моих пуль или от пожара – неважно!

Они смотрят на меня недоумённо. Я не понимаю, они что,

не понимают немецкого? Моя только что обрётённая спутница говорит им что-то на каком-то восточнославянском. Они мигом становятся послушными, спускаются вниз. Теперь вокруг меня собралась толпа, я обращаюсь к своей спутнице:

– Сейчас мы все выбежим отсюда, ты им это скажешь, тогда когда я дам команду. Я не знаю, что со мной будет, я буду драться! Выбегай самой последней! Найди чёрную лошадь, обвешанную ремнями – она моя, она внизу по улице, рядом с оградой. Чёрно-рыжая лошадь! Жди меня у неё. Если меня долго не будет – беги одна. Надеюсь, умеешь управляться с лошадьми?

Она растерянно вертит головой в разные стороны, я ясно понимаю, что с лошадьми она дела до этого дня никогда не имела. Впрочем, это неважно. Для того чтобы выжить, ей достаточно просто сбежать из города, дальше она может придумать себе такую биографию какую пожелает и забыть немецкий язык, что не так уж и сложно, когда он становится своего рода чёрной меткой.

– А теперь переводи им!

Коридорчик уже заполнился дымом, становилось тяжело дышать. Становилось жарко! Всё здание превратилось в большую дымовую шашку – именно этого результата я и добивался!

Жители дома побежали на улицу, я был в самом центре толпы. Красным хватило ума не стрелять по всем подряд, но, всё же, я слышал случайные выстрелы. Кажется, красные пытались дать команду всем лечь на землю, которую погорельцы к счастью для меня успешно игнорировали. Я бежал по улице вниз вдоль домов, за моей спиной свистели пули – я так больше не мог! Дело приобретает опасный поворот! Всегда когда дело касается летящих в тебя пуль – это русская рулетка: чем больше пуль в тебя летит, чем чаще – тем выше вероятность что в тебя, всё-таки, попадут. Чистая игра случайностей, игра вероятностей. И её лучше лишний раз не возбуждать!

Я буквально запрыгиваю в здание, которое похоже на библиотеку и имеет точно такую же вывеску на русском языке. Это слово я узнал одним из первых, отправляясь на восточный фронт! Ведь именно там, я могу найти самые интересные для себя трофеи.

Библиотекарь – седой усатый старик, смотрит на меня недоумённо. Неужели он впервые видит человека в форме СС? Не время для удивлений! Сейчас время совершенно другое! Сейчас даже стало обычным делом, когда к тебе в дом заходит кто-то вроде меня, кто-то кто выглядит как я. Чего тут удивляться или бояться, дед? У меня даже не висит на плече МП-40. Два пистолета – это не так уж и страшно. А погибнуть от моей руки – и вовсе благородное дело. Ах, жертва – в нашей христианской культуре это звучит да-

же возвышенно. Пока я перебирал эти аргументы в голове, старик меня о чём-то едва слышно спросил. Я удивился, это был немецкий язык! Впрочем, чему тут удивляться, время сейчас такое. К тебе в любой момент может зайти в дом кто-то вроде меня, кто-то кто выглядит как я... Так, самая пора заткнуться и приступить к делу!

– Мне нужен Максим Горький!

– У нас есть разный Горький. Вам что-нибудь конкретное?

– Тащите всего!

Пока старик отвернулся, в помещение успел влететь красный и получить пулю в грудь. От выстрела он подскользнулся и с большим грохотом упал, приземлившись прямо на затылок. Кажется, он умер мгновенно. Не такая уж и ужасная смерть. А чего он ожидал от своего геройства? Я здесь один и окружен, наверняка, целой армией. Неужели он думал, что мне за каким-то чёртом вдруг станет выгоднее сражаться с ним один на один, нежели с целой дивизией красный? Ладно, оставим это на его совести, может быть, я только что убил несостоявшегося гения стратегии, мастера тактики, эдакого русского Наполеона.

Старик принёс одну большую красную книгу, сказав, что это всё что у него было. А разговоров-то было! «У нас есть разный Горький! Вам что-нибудь конкретное?». К чёрту! Ладно! С ним нужно как-нибудь вежливо рассчитаться. У меня нет с собой ничего, что могло бы показаться ему интересным. Кроме десятка карт Парижа (а ведь их так легко

потерять, так легко порвать!), которые я постоянно таскаю с собой, то ли чтобы рассказывать всем о его достопримечательностях при свете походной лампы, то ли как сувениры, подарки случайным знакомым. Сейчас они мне пригодятся во второй роли.

Я достаю одну из таких карт... и расписываюсь! Я не теряю надежды прославиться как писатель, после того как всё это дерьмо вокруг закончится. Естественно, война мне отмеряет совершенно специфические шансы выжить, но унывать и впадать в пессимизм не нужно! Ты должен сражаться, чтобы хотя бы иметь шансы на жизнь, в противном случае умрёшь точно. А ещё я оставляю на карте отметку, где я живу. Мне не жалко. Все равно, сейчас это бесполезная информация, переписываться мы не будем, но это довольно занятно и забавно. Почему бы и не показать человеку место, откуда действительно я пришёл?

Карты Парижа наводят меня на одну очень интересную мысль...

– У меня заложник!

Я выбегаю из библиотеки с пистолетом направленным прямо себе на... голову? Красные сильно удивляются: как он может сам себя взять в заложники?

– Смотрите!

Из кармана я достаю с десяток карт, красным кажется, что это что-то важное! Что это какие-то важные стратегические планы! Пускай так и дальше думают! Я не намерен им мешать в этом! Зачем им вообще знать правду? Карты развеваются по ветру, который, кстати, стал вдруг довольно сильным. Я даю всем вокруг понять, что в одной руке с картами граната с отсутствующей чекой. Они явно напряглись! Моя смерть не даст им ровным счётом ничего! Подумаешь, убьют эсэсовца: в этом убийстве не будет ничего нового, страшного или важного. Солдат СС каждый день убивают на фронте. В этом приятного мало, конечно, для самих солдат СС, но и те, кто их убивает, могут рассчитывать в лучшем случае на моральное удовлетворение. А сейчас в моих руках целая стратегия! Убейте меня, и кто-то из вас получит сильное наказание! Кто знает, может быть, этот план спасёт немало русских жизней? Кто знает, может быть, этот план приблизит победу на один, а то и на два месяца? Этот план – магическая карта, я читаю это по их глазам! Они видят какие-то непонятные линии на нём. Наверное, это всё имеет какое-то значение? – так думают они. А ещё они видят мою гранату, хе-хе, без чеки. Это единственный залог моего выживания в данной ситуации! Единственный! Вообще!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.